

УДК 341.36:93/94

doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-7

Значение Второй Гаагской конференции мира в развитии института мирного разрешения международных споров

Б. В. Николаев¹, Н. А. Павлова²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Пензе, Пенза, Россия

¹nikolboris@yandex.ru, ²nataliia.pavlova@inbox.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Отечественная дипломатия и международно-правовая наука сыграли ведущую роль в формировании института мирного разрешения международных споров. Именно Россия стала инициатором двух Гаагских конференций мира 1899 и 1907 гг. Однако данный вопрос не получает достаточного внимания со стороны отечественных и зарубежных исследователей, последние при этом активно исследуют роль США, Великобритании, Франции и других стран в развитии института мирного разрешения международных споров. В этой связи исследование содержания и итогов работы Второй конференции мира в рассматриваемой сфере и ее исторического значения представляется актуальным и научно значимым. *Цель работы* – определить основные направления и достижения работы Гаагской конференции мира 1907 г. в контексте развития института мирного разрешения международных споров. *Материалы и методы.* Поставленные задачи достигаются анализом официальных материалов работы Гаагской конференции мира 1907 г., официальных актов Министерства иностранных дел России, оценок достижений конференции, данных самими ее участниками, международных договоров, научной литературы. *Результаты.* Проанализированы содержание деятельности и итоги форума 1907 г. по развитию института мирного разрешения международных споров. *Выводы.* Исследование позволяет сделать вывод об особой роли российской дипломатии и международно-правовой науки в кодификации института мирного разрешения международных споров и прогрессивного развития международного права в целом.

Ключевые слова: Гаагская конференция мира, международное право, право вооруженных конфликтов, российская дипломатия, мирное разрешение международных споров

Для цитирования: Николаев Б. В., Павлова Н. А. Значение Второй Гаагской конференции мира в развитии института мирного разрешения международных споров // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 2. С. 79–91. doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-7

The significance of the Second Hague Peace conference in the development of the institution of peaceful settlement of international disputes

B.V. Nikolaev¹, N.A. Pavlova²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹Penza branch of Moscow Witte University, Penza, Russia

¹nikolboris@yandex.ru, ²nataliia.pavlova@inbox.ru

Abstract. *Background.* Domestic diplomacy and international legal science played a leading role in the formation of the institution of peaceful resolution of international disputes. It was Russia that initiated two Hague Peace Conferences in 1899 and 1907. However, this issue has not received sufficient attention from domestic and foreign researchers, the latter, however, actively studied the role of the United States, Great Britain, France and other countries in terms of the development of the institution of peaceful resolution of international disputes. In this regard, the study of the content and results of the Second Peace Conference and its historical significance seems relevant and scientifically significant. The purpose of the work is to identify the main directions and achievements of the Hague Peace Conference of 1907 in the context of the development of the institution of peaceful resolution of international disputes. *Materials and methods.* These objectives are achieved by analyzing the official materials of the 1907 Hague Peace Conference, official acts of the Russian Ministry of Foreign Affairs, assessments of the conference's achievements given by its participants themselves, as well as international treaties and scientific literature. *Results.* The work analyzes the work and results of the 1907 forum from the point of view of the development of the institution of peaceful resolution of international disputes. *Conclusions.* The study allows us to draw a conclusion about the special role of Russian diplomacy and international legal science in the codification of the institution of peaceful resolution of international disputes and the progressive development of international law in general.

Keywords: the Hague Peace Conference, international law, law of armed conflicts, Russian diplomacy, peaceful resolution of international disputes

For citation: The significance of the Second Hague Peace conference in the development of the institution of peaceful settlement of international disputes. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(2):79–91. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-7

Введение

Инициированное Россией Гаагское движение стало важной вехой на пути становления современного международного права. Первая Гаагская конференция 1899 г. обеспечила значительный прогресс в деле кодификации института мирного разрешения международных споров [1, с. 20–29]. Тем не менее многие аспекты так и остались несогласованными, в частности, идея обязательного арбитража весьма активно обсуждалась не только дипломатами и специалистами в области международного права, но и широкой общественностью. Именно институт мирного разрешения международных споров наряду с кодификацией законов и обычаев ведения войны [2] стал ключевым

в работе Второго Гаагского форума. Цель работы – определить основные направления и достижения работы Гаагской конференции мира 1907 г. в контексте выработки правил мирного разрешения международных споров, значение принятых документов и итогов конференции для прогрессивного развития международного права.

Материалы и методы

Поставленные задачи достигаются анализом официальных материалов работы Гаагской конференции мира 1907 г., официальных актов Министерства иностранных дел Российской империи, оценок достижений конференции, данных самими ее участниками, международных договоров (Гаагских конвенций и деклараций 1907 г.), научной литературы.

Результаты

Одним из важнейших направлений деятельности обеих конференций стало обсуждение проблемы мирного решения международных споров и, в частности, урегулирования процедуры международного арбитража и учреждения соответствующих международных институтов, что могло бы стать некоторой «компенсацией» неудачи Гаагского форума в деле ограничения вооружений и отказа от применения силы в международных отношениях.

Арбитраж как средство решения международных конфликтов мирным путем имеет долгую историю [3, p. 188–253]. Его новая история начинается с англо-американского договора 1794 г., по которому США и Англия передавали некоторые спорные вопросы на решение совместных комиссий. В 1831 г. эти державы попросили короля Нидерландов Вильгельма I быть арбитром в споре о границе между штатом Мен и Британской Канадой, заключив предварительно специальное соглашение, обычно называемое компромисс, в котором установили принципы, которым должен следовать арбитр.

Во второй половине XIX в. арбитраж начинает играть все более значимую роль в международной жизни; все же основными его пользователями оставались США и Великобритания. Госсекретарь США Джеймс Блайн добился на Панамериканской конференции 1899 г. арбитражного соглашения, но ни одно правительство его не ратифицировало. Накануне Второй Гаагской конференции в правительственной типографии США была опубликована «История и краткое изложение международных арбитражей, в которых США принимали участие» Дж. Б. Мура в шести томах, обобщившая опыт использования Соединенными Штатами арбитража.

Несмотря на то что в российской программе Первой Гаагской конференции арбитражу посвящался лишь один, последний пункт, он стал, в особенности после неудачи достижения согласия по проблеме вооружений, центральным вопросом собрания [4, с. 136–143]. Россия предложила комплексный проект по регулированию добрых услуг, посредничества, следственных комиссий и арбитража. В дальнейшем российский проект был расширен за счет внесения предложений о международном арбитражном

трибунале и обязательном арбитраже. Хотя Германия, стоявшая во главе оппозиции, добилась исключения всех положений об обязательном арбитраже и существенного исправления предварительного проекта международного суда, значительно снизившего его эффективность, конференция приняла конвенцию о мирном решении международных столкновений, которая была названа «Великой Хартией Международного Права» [5, p. 471].

После окончания Первой Гаагской конференции арбитражная конвенция и постоянный третейский суд были в нескольких случаях использованы различными государствами. Первым делом, переданным на решение Гаагского суда, стал спор между США и Мексикой 1902 г., получивший название «Дело о Благотворительном фонде» (арбитрами были будущие участники собрания 1907 г. Т. Ассер из Голландии, Э. Фрай из Англии и Ф. Ф. Мартенс из России). Наиболее значимым и для предотвращения международного конфликта, и для повышения авторитета Гаагского суда стало Венесуэльское дело, возникшее в результате установления Германией и Великобританией блокады венесуэльских портов с целью защиты денежных и имущественных требований их подданных. Правительство США крайне отрицательно отнеслось к этой акции, прямо нарушающей доктрину Монро, и настояло на передаче этого спора в Гаагский суд.

Арбитрами в этом деле стали русские представители, министр юстиции М. В. Муравьев и профессор Ф. Ф. Мартенс, а также австриец Генрих Ламмаш, участник обеих Гаагских конференций. Решение трибунала от 24 февраля 1904 г. разочаровало всех тех, кто надеялся на действительную беспристрастность суда в проведении принципов мира и справедливости, так как постановление было в пользу государств, прибегших к насильственному способу решения конфликта, и в целом удовлетворило и Германию, и Великобританию. Все же главное значение этого арбитража – первое мирное решение международной организацией спора, который мог стать причиной серьезного вооруженного конфликта. Может быть поэтому за два последующих года в Гаагский суд были переданы два, хотя и менее значительных дела [6, p. 186–189].

Кроме того, важным событием, привлечшим внимание и существенно повысившим престиж арбитража, стало урегулирование так называемого «Гульского инцидента». В ночь с 21 на 22 октября 1904 г. командующий Балтийским флотом России, направляющимся через Северное море на Дальний Восток, приказал открыть огонь по Гульскому рыболовному флоту, приняв его за японские торпедные лодки. В течение некоторого времени многие опасались англо-русской войны, но, по настоянию министра иностранных дел Франции Теофиля Делькассе, Россия и Великобритания согласились передать спор совместной комиссии, составленной в соответствии с конвенцией 1899 г., которая решила в 1905 г. этот спор в пользу Великобритании. К позитивным результатам влияния Первой Гаагской конференции на развитие арбитража следует отнести и заключение в течение 7 лет 33 арбитражных договоров, лидерами здесь являлись Великобритания и США, имевшие к 1907 г. такие соглашения со многими государствами.

Наряду с событиями, доказавшими возможность и способность арбитража в упорядочивании и нормализации международных отношений, в период между двумя конференциями имели место и такие прецеденты, которые привели к размышлениям об ограниченности и неэффективности арбитражных институтов и их процедуры. Наиболее значимые вооруженные конфликты рубежа веков – англо-бурская и русско-японская войны – доказали хрупкость и недейственность новых идей перед лицом многовековой традиции решения межгосударственных разногласий с помощью вооруженной силы.

Рост империалистических, агрессивных тенденций в политике ведущих держав вызвал (в качестве попытки его по крайней мере частичной компенсации) усиление движения за мир и разоружение в Европе и Америке. Причем в начале XX в. многие лидеры этого движения понимали призрачность, если не безосновательность, надежд на проведение в обозримом будущем ведущими державами политики разоружения или ограничения вооружений арбитража и эффективного международного третейского суда, который выполнял бы функции международного контроля и регулирования взаимоотношений всех суверенных государств мира. Арбитражные требования содержались в постановлениях Межпарламентского союза и конгрессов мирных обществ.

Третья Панамериканская конференция, состоявшаяся в Рио-де-Жанейро в 1906 г., приняла следующую резолюцию: «Признать приверженность арбитражу для осуществления этой возвышенной цели, на практике рекомендовать нациям, представленным на настоящей конференции, инструктировать своих делегатов на Второй Гаагской конференции, обеспечить на вышеназванной всемирной ассамблее торжество Генеральной арбитражной конвенции настолько эффективно, чтобы, заслужив одобрение цивилизованного мира, она приняла бы силу закона для каждой страны» [6, p. 133–134].

В циркуляре от 21 октября 1904 г. госсекретаря Дж. Хэя, предлагавшего предварительную программу будущей конференции, содержался пункт о переговорах по заключению арбитражных договоров между представленными государствами [7, p. 185].

Несмотря на требования широких общественных кругов и прогресс, достигнутый в деле реализации принципа мирного урегулирования международных конфликтов, российское правительство попыталось ограничить рамки предстоящей дискуссии по арбитражным вопросам ревизией положений соответствующей конвенции в тех ее частях, которые касаются арбитражного суда и следственных комиссий. Заявляя, что «важнейшее создание первой конференции – международный третейский суд – доказало на деле свою жизнеспособность» и отмечая «благотворное значение международных следственных комиссий для разрешения несогласий между государствами», российское правительство говорило о необходимости пересмотра этой конвенции, поскольку «происходившие третейские разбирательства возбудили некоторые частные вопросы, которые следовало бы разрешить». В циркуляре

отмечалось, что речь в основном шла о процедурной части и «внесении в упомянутую конвенцию необходимых дополнений» [8, с. 2].

Такая умеренность русской программы объясняется как нежеланием самодержавного государя каким-либо образом ограничивать свою власть в международных делах, так и резко отрицательным отношением Германии к обсуждению на конференции вопроса обязательного арбитража. Однако другие правительства, в первую очередь США, Великобритании и Франции, не были удовлетворены такой «бледной» программой по арбитражному пункту. В послании от 7 июня 1906 г. российскому послу в Вашингтоне госсекретарь заявил о желании США внести на рассмотрение конференции вопрос «о соглашении по обязательному арбитражу» и, в частности, обсудить возможность достижения «соглашения о некотором ограничении использования силы при взимании государственных долгов». В ответном письме российский посол Р. Р. Розен заявил, что Россия не против оговоренных американцами вопросов [9, р. 1637].

Трудность заключалась в том, что некоторые державы, в том числе Германия и Австро-Венгрия, уже одобрили предварительную программу, но могли возникнуть трения и сомнения относительно возможности проведения конференции [9, р. 1640]. После оживленной дипломатической переписки, в ходе которой на стороне США выступили Великобритания, Япония, Франция, Италия и Испания, при посредничестве России было принято компромиссное решение: правительства США, Великобритании, Японии и Испании оговорили право представить на конференции интересующие их вопросы, а Германия, Австро-Венгрия и Россия оставили за собой возможность не принимать участия в обсуждении вопросов, которое «не приведет, по их мнению, к практическим результатам». Примечательно, что уже на этой ранней стадии переговоров по арбитражным вопросам Франция приняла роль стороннего наблюдателя и примирителя различающихся интересов, линию, которой она постарается постоянно держаться в ходе работы конференции. Интересно также, что союзник Германии по Тройственному союзу Италия еще до начала конференции выразительно поддержала точку зрения англоязычных держав [9, р. 1108].

Все же позиции ведущих держав в этом вопросе давали повод надеяться на достижение значительного прогресса в этой области на предстоящей конференции. Инструкции, данные делегатам Великобритании, уделяли особое внимание учреждению международного суда для решения призовых споров и в целом настраивали делегатов на позитивную работу в означенных вопросах [7, р. 244]. Госсекретарь США Э. Рут подчеркивал значимость принципа обязательного арбитража и его частного применения к спорам, возникающим по государственным договорным долгам.

Делегаты Франции, которая не была расположена обсуждать на конференции проблему вооружений, заявили накануне ассамблеи, что их правительство считает развитие арбитража наиболее важной задачей предстоящего форума. Французский министр иностранных дел С. Пишон официально под-

твердил эту точку зрения [7, р. 199]. О заинтересованности России в этой связи сказал в беседе с министром иностранных дел Великобритании Ф. Ф. Мартенс, посетивший в январе – феврале 1907 г. столицы ведущих европейских государств. Италия обещала поддержку арбитражных предложений англоязычных держав, а Австро-Венгрия заявила о возможности их обсуждения при условии предварительного ознакомления с конкретными проектами до принятия окончательного решения. Позиция Германии, несмотря на негативную реакцию в отношении предложений, не вошедших в первоначальную русскую программу, впоследствии стала более умеренной. Кроме того, выступая 23 июня в арбитражной комиссии, первый делегат Германии Маршалл заявил об изменении точки зрения его правительства и о принятии им принципа обязательного арбитража [3, р. 339–340].

Обсуждение конференцией рассматриваемого предмета шло по пяти основным линиям:

- 1) ревизия конвенции 1899 г. (арбитражная процедура и международные следственные комиссии);
- 2) учреждение международного высшего трибунала;
- 3) заключение общей конвенции по обязательному арбитражу;
- 4) учреждение международного призового суда;
- 5) ограничение применения силы при взыскании по договорным государственным долгам.

Дебаты конференции в этой области показательны с точки зрения выявления всех основных линий сотрудничества и противоборства различных государств, определения их позиций.

Прежде чем перейти к рассмотрению отдельных арбитражных проектов, представляется полезным для последующей характеристики хода и результатов обсуждения очертить предполагаемое их авторами максимально достижимое устройство и действие механизма международного арбитража. Прежде всего представленные на конференции страны должны были заключить общий арбитражный договор, по которому они согласились бы передавать определенные категории споров на обязательный арбитраж, осуществляемый Международным Высшим Арбитражным Трибуналом, постоянно действующим и в любое время готовым осуществить делопроизводство. Затем конференция должна была учредить Международный Апелляционный Суд, в который государства могли бы направлять с взаимного согласия апелляции по постановлениям национальных призовых судов.

Наряду с обязательным арбитражем сохранялась и его добровольная форма – Постоянный Третейский Суд, который с взаимного согласия сторон должен был решать споры более сложного характера. Насколько же была выполнена делегатами эта максимальная программа?

Изменения и дополнения к конвенции 1899 г., предложенные российской (процедура и следственные комиссии) и французской (сокращенное арбитражное производство) делегациями прошли довольно гладко ввиду общепризнанности предлагаемых предложений и нежелания делегатов идти на

конфликт по менее спорным вопросам в преддверии дебатов по обязательному арбитражу и международному суду. Все же в одном случае предложения Ф. Ф. Мартенса, предполагавшего введение элемента обязательности в действия следственных комиссий, вызвали резкую оппозицию представителей Великобритании, Германии, Австро-Венгрии и были отозваны [5, р. 289–291].

Прения по учреждению Международного Высшего Трибунала наиболее ярко проявили существенное противоречие позиций представителей великих и малых государств. Было предложено два проекта: российский, предполагавший тесную связь нового органа с судом 1899 г., и американский, обусловивший совершенно самостоятельное образование с широкими полномочиями. С существенными поправками выступила германская делегация, поддержанная Австро-Венгрией. В результате название «Международный Высший Трибунал», которое, по словам австрийца Ламмаша, «могло привести кого-нибудь к идее Соединенных Штатов Мира» [6, р. 269], было заменено нейтральным – «Международный Юридический Арбитражный Суд». Было также оговорено, по предложению Маршалла, что представители сторон будут участвовать в качестве консультантов в судебном производстве.

После внесения германских поправок и включения российских предложений на основе первоначального американского плана был выработан совместный проект Великобритании, США и Германии, представленный подкомиссии. Наиболее сложным вопросом стал способ назначения судей. Делегатами великих держав было предложено несколько проектов, основанных на системе ротации в зависимости от населения, развития промышленности и торговли, согласно которым судебные представители восьми великих держав должны были служить в течение полного 12-летнего срока, остальные страны распределялись на четыре категории с представительством в 10 лет (Испания, Нидерланды и Турция), 4, 2 года и 1 год. Наиболее резко против этого плана возражал бразилец Рун Барбоза, выступивший за абсолютно равное представительство всех суверенных государств, его поддержали представители многих малых стран Европы, Азии и Америки.

После того как стало ясно, что достигнуть единогласия по этому вопросу конференция не сможет, председатель арбитражной комиссии француз Буржуа сформулировал вошедшее в Заключительный акт пожелание: «Конференция рекомендует подписавшим настоящий акт Державам принятие приложенного к сему проекту конвенции об учреждении Судебной Третьей Палаты и приведение ее в исполнение, как только состоится соглашение относительно выбора судей и состава палаты» [10, р. 327].

Важно, на наш взгляд, отметить, что впервые на международной конференции такого ранга были серьезно заявлены притязания малых, особенно латиноамериканских, государств, отличные от интересов и взглядов той или иной великой державы на политическое устройство мира и взаимоотношения составляющих его частей.

Пожалуй, наиболее горячим желанием общественного движения кануна конференции 1907 г. было заключение общего обязательного арбитража-

ного договора. На Первой Гаагской конференции по требованию Германии из конвенции о мирном решении международных конфликтов были исключены все ссылки, упоминающие об обязательности арбитража. Однако многое позволяло надеяться, что работа Второй конференции в этом направлении будет успешной. В 1899 г. Германия аргументировала свою позицию тем, что арбитраж не приведет к существенному прогрессу и не будет принят, если его интерпретировать как обязательное средство решения международных споров. После 1899 г. было заключено 33 арбитражных договора, 2 из которых подписала Германия с Великобританией и США, накануне конференции она заявляла о признании принципа обязательного арбитража. Все это, казалось, позволяло надеяться на хороший исход дебатов по данному вопросу, лишь позже стало ясно, что за прошедшие семь лет позиция Германии существенно не изменилась.

На наш взгляд, необходимо кратко изложить суть расхождений различных арбитражных проектов [3, р. 334–343; 5, р. 311, 349]. Против самого принципа обязательного арбитража никто не возражал, но и ни одна делегация не поддержала предложение доминиканского представителя, предполагавшее действительно всеобщий неограниченный обязательный арбитраж. Принцип обязательности мог быть реализован или в форме общего международного договора, или в отдельных двусторонних соглашениях (позиция Германии). В общий арбитражный договор могли быть включены:

а) все споры юридического характера или вытекающие из интерпретации договоров, если они не затрагивают честь, независимость или жизненные интересы спорящих, а также интересы третьих сторон (предложение США);

б) отдельные категории споров, согласованные державами в особом списке, которые нации обязаны передавать в арбитраж без оговорок (Португальский план, основанный на российском проекте 1899 г.).

После напряженных переговоров между дипломатами Великобритании и Португалии был выработан совместный англо-американский проект, который поддержали представители Франции, России, Италии и многих малых стран.

Голосование по многочисленным пунктам этого проекта показало оппозиционность Германии (поддержанной лишь Австро-Венгрией, Швейцарией, Бельгией и Румынией) любым арбитражным предложениям. Когда стало ясно, что позиция Германии останется неизменной, делегаты Франции, России и Италии заявили о невозможности соглашения при отсутствии согласия между великими державами. Ф. Ф. Мартенс, пытаясь спасти проект, предложил делегациям заключить уже на этой конференции обсуждавшийся договор, оставив его открытым для присоединения стран, еще не принявших окончательного решения.

После неудачи достижения данного компромисса представитель Австро-Венгрии Мэрей предложил следующую резолюцию: «Конференция убеждена, что некоторые строго определенные вопросы могут передаваться на обязательный арбитраж без какого-либо ограничения, но конференция

не смогла вынести решение по этим вопросам из-за их технического характера и собственного недостатка специальных знаний и опыта; решила пригласить правительства подвергнуть глубокому изучению указанные вопросы и информировать друг друга о том, какие из них они готовы сделать объектами обязательного арбитражного дела».

Против данной резолюции выступил глава британской делегации Э. Фрай, поскольку голосование показало готовность большинства правительств заключить такой договор уже сейчас. Представитель Соединенных Штатов Америки Джозеф Х. Чоат выразил определенное неудовольствие тем, что незначительное меньшинство препятствует значительному большинству добиться желаемого результата в значимом аспекте работы конференции.

Наконец, итальянский представитель Торниелли, поддержанный А. И. Нелидовым и главой французской делегации Л. Буржуа, представил резолюцию [6, р. 269], вошедшую в Заключительный акт: «Конференция единогласно:

- 1) признает начало обязательного арбитража;
- 2) объявляет, что некоторые споры, а именно которые касаются истолкования и применения международных договоров, способны составлять предмет обязательного арбитража без всяких оговорок;
- 3) провозглашает, что если не было дано заключить конвенцию в этом смысле, различия мнений не должны выходить за пределы юридического спора, и что все державы мира, научившись ближе понимать друг друга, сумели бы вынести из этого продолжительного сотрудничества всеобъемлющее осознание идеи общего блага для всего человечества» [10, р. 332]. При голосовании по этой резолюции делегация США воздержалась.

После неудачной попытки конференции заключить общее арбитражное соглашение предложение США, представленное генералом Портером [11], ограничить применение силы при взыскании договорных государственных долгов прошло достаточно легко и легло в основу Второй Гаагской конвенции 1907 г. Примечательно и несколько иронично, что наиболее серьезные возражения последовали со стороны представителей латиноамериканских стран, для защиты интересов которых, по мнению США, и была предложена эта конвенция.

Суть расхождений между предложением генерала Портера и «Доктриной Драго» 1902 г. изложил автор доктрины аргентинский представитель Луис Драго: предложение Портера не ограничивает арбитраж договорных долгов только теми случаями, когда кредиторы обратились к государству-должнику и получили отказ; не исключает абсолютно военную агрессию или оккупацию территории американских стран. Главную причину оппозиции предлагаемой конвенции установил уругваец Кастро: «Европейские государства не должны применять к Америке правила поведения, отличные от положений международного права, регулирующих взаимоотношения этих государств. Америка имеет полное право на такое же отношение, поскольку она полностью цивилизована» [5, р. 359]. В итоге пять делегаций воздержались

от голосования, девять проголосовали положительно, сделав существенные оговорки относительно интерпретации и применения принятой конвенции [10, p. 330–332].

Наконец, конференция разработала (на основе проектов Великобритании к Германии) и приняла конвенцию об учреждении Международного Призового Суда, которая впоследствии, однако, не вступила в силу в связи с отсутствием ратификаций.

Заключение

Результаты конференции не могли вызвать большого воодушевления у ее участников, не говоря о пацифистских лидерах. В целом конференция не смогла решить свои задачи: по наиболее важным вопросам – ограничения вооружений, неприкосновенности частной собственности на море, блокады, контрабанды, общей арбитражной конвенции и международного третейского суда – были приняты ни к чему не обязывающие «пожелания», а их решение отложено на неопределенное время; принятая конвенция об учреждении международного призового суда так и не была ратифицирована; конвенция об ограничении силы при взыскании по договорным долгам сопровождалась такими оговорками, что не могла выполнить поставленную в ее названии задачу; пересмотр арбитражной и военной конвенции 1899 г. свелся к незначительным исправлениям технического характера; конференция не смогла выработать и единый кодекс морского права.

Все же, говоря об отрицательных результатах конференции, нельзя не сказать о ее позитивном значении. Третьей конференции мира не суждено было состояться, однако Гаагские достижения не прекратили своего существования. Гаагские конвенции и декларации остаются до настоящего времени важной частью международного права. Кроме того, именно из Гаагских форумов развились впоследствии очень важные для человечества идеи (сокращение вооружений, равноправие всех суверенных государств, мирное решение международных споров арбитражными средствами) и институты (постоянная международная организация, международный суд). Многие проблемы, обсуждавшиеся в 1907 г., имеют большое значение и сегодня. Выявление причин неудачи конференции позволит, на наш взгляд, подойти к более глубокому пониманию проблем современного мира.

Список литературы

1. Николаев Б. В., Павлова Н. А. Содержание и итоги работы Первой Гаагской конференции мира 1899 г. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 20–29. doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-2
2. Николаев Б. В., Павлова Н. А. Значение Второй Гаагской конференции мира в деле кодификации законов и обычаев ведения войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 30–39.
3. Scott J. Br. The Hague Peace Conferences, 1899 and 1907 : in 2 vols. Baltimore : Johns Hopkins' Press, 1909. Vol. I. 887 p.

4. Данилин А. И. Проблема международного арбитража и позиции США и Германии на I-й Гаагской конференции мира // Европейские государства и США в международных отношениях первой половины XX века (история и историография) : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. К. Фураев. М. : АСТ-Пресс, 1983. С. 136–143.
5. Hull W. I. *The Two Hague Conferences and Their Contributions to International Law*. Boston : Ginn and Co, 1908. 516 p.
6. Davis C. B. *The United States and the Second Peace Conference*. Durham : Duke University Press, 1975. 398 p.
7. *British Documents on the Origins of the War 1898–1914* / ed. by G. P. Gooch, D. Litt, H. Temperley. New York ; London : Johnson repr. corp., 1967. 880 p.
8. Вторая Гаагская конференция мира. 1907. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1908. 372 с.
9. U.S. Department of State. *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States 1904–1907*. Washington : G.P.O., 1906. 1666 p.
10. *The Proceedings of the Hague Peace Conference. Translation of official texts. The Conference of 1907*. New York : Oxford University Press, 1920. 883 p.
11. *American Addresses at the Second Hague Peace Conference* / ed. by J. H. Choate. Boston : World Peace Foundation, 1916. 279 p.

References

1. Nikolaev B.V., Pavlova N.A. Contents and results of the First Hague Peace Conference of 1899. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2024;(4):20–29. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-2
2. Nikolaev B.V., Pavlova N.A. The importance of the Second Hague Peace Conference in the codification of the laws and customs of war. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(1):30–39. (In Russ.)
3. Scott J.Br. *The Hague Peace Conferences, 1899 and 1907: in 2 vols*. Baltimore: Johns Hopkins' Press, 1909;I:887.
4. Danilin A.I. The problem of international arbitration and the positions of the United States and Germany at the Second Hague Peace Conference. *Evropeyskie gosudarstva i SShA v mezhdunarodnykh omosheniyakh pervoy poloviny XX veka (istoriya i istoriografiya): mezhvuz. sb. nauch. tr. = European states and the United States in international relations of the first half of the twentieth century (history and historiography): interuniversity collected articles*. Moscow: AST-Press, 1983:136–143. (In Russ.)
5. Hull W.I. *The Two Hague Conferences and Their Contributions to International Law*. Boston: Ginn and Co, 1908:516.
6. Davis C.B. *The United States and the Second Peace Conference*. Durham: Duke University Press, 1975:398.
7. Gooch G.P., Litt D., Temperley H. (eds.). *British Documents on the Origins of the War 1898–1914*. New York; London: Johnson repr. corp., 1967:880.
8. *Vtoraya Gaagskaya konferentsiya mira. 1907 = Second Hague Peace Conference. 1907*. Saint Petersburg: Tip. V.F. Kirshbauma, 1908:372. (In Russ.)
9. U.S. Department of State. *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States 1904–1907*. Washington: G.P.O., 1906:1666.

10. The Proceedings of the Hague Peace Conference. Translation of official texts. *The Conference of 1907*. New York: Oxford University Press, 1920:883.
11. Choate J.H. (ed.). *American Addresses at the Second Hague Peace Conference*. Boston: World Peace Foundation, 1916:279.

Информация об авторах / Information about the authors

Борис Викторович Николаев

кандидат исторических наук, доцент
кафедры уголовного права, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40);
заведующий кафедрой юриспруденции,
филиал Московского университета
имени С. Ю. Витте в г. Пензе
(Россия, г. Пенза, ул. Вяземского, 25Б)

Boris V. Nikolaev

Candidate of historical sciences, associate
professor of the sub-department of criminal
law, Penza State University (40 Krasnaya
street, Penza, Russia);
head of the sub-department
of jurisprudence, Penza branch of Moscow
Witte University (25B Vyazemskogo street,
Penza, Russia)

E-mail: nikolboris@yandex.ru

Наталья Анатольевна Павлова

кандидат педагогических наук,
заведующий кафедрой иностранных
языков, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

Natalia A. Pavlova

Candidate of pedagogical sciences,
head of the sub-department of foreign
languages, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: nataliia.pavlova@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 01.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.05.2025

Принята к публикации / Accepted 24.05.2025